
Виктория Северина
Развод.
До рождения внука
никаких разводов!

Виктория Северина

Развод: До рождения внука никаких разводов!

«Литнет»
2026

Северина В.

Развод: До рождения внука никаких разводов! / В. Северина — «Литнет», 2026

— До рождения внука никаких разводов! А потом посидишь с малышом, пока я буду жениться на любовнице!Двадцать семь лет брака. Взрослая дочь, которая скоро станет матерью. И муж, который даже не считает нужным просить прощения за измену.Олег требует, чтобы я потерпела до родов, ведь дочери нельзя волноваться. А потом выясняется самое страшное: Юля давно знает о любовнице отца. И они уже всё решили за меня!Муж готовит свадьбу с другой, дочь рассчитывает оставить мне младенца, а свекровь требует проявить мудрость.И только мои чувства никого не интересуют.Но они кое-чего не учли. Я больше не собираюсь быть удобной женой и бесплатной няней.А когда муж при всех встанет передо мной на колени и начнёт умолять вернуться, я напомню ему, кто первым решил, что наша семья больше ничего не стоит.

© Северина В., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Мы с папой уже договорились 5
Глава 2. Ты скоро станешь бабушкой 15
Глава 3. Посиди с ребёнком на папиной свадьбе 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Глава 1. Мы с папой уже договорились

— Мам, ну зачем ты опять столько всего накупила? — Юля рассмеялась, когда Анна показала ей по видеосвязи очередной пакет с детскими вещами. Дочь сидела на диване, подложив под поясницу подушку, и с удовольствием рассматривала крошечные ползунки, которые мать вытаскивала один за другим. — Мы же договаривались, что сначала составим список. А ты теперь половину магазина домой принесла. Куда мы всё это складывать будем?

— А я разве виновата, что у них сегодня скидки? — Анна приложила к ладони маленькую голубую кофточку и невольно улыбнулась. — Посмотри только, какие рукавчики! Я даже представить себе не могу, что у человека могут быть такие маленькие ручки. Ты у меня, конечно, тоже крошечная была, но я уже ничего толком не помню. Двадцать шесть лет прошло, представляешь? Мне кажется, ещё вчера тебя из роддома забирали, а теперь ты сама мамой станешь.

— Только папе не показывай, а то опять скажет, что мы с тобой с ума посходили, — предупредила Юля, хотя по лицу было видно, что покупки ей понравились. Она поправила футболку на округлившемся животе и с улыбкой добавила: — Ты лучше привози всё вечером. Денис обещал полку в шкафу освободить, вот и посмотрим, сколько туда поместится.

Анна заверила дочь, что они обязательно приедут, и закончила разговор, ещё несколько секунд разглядывая погасший экран телефона. В феврале у неё должен был родиться внук, и от одной этой мысли она всякий раз испытывала приятное волнение. Сначала они с Юлей долго смеялись над тем, что Анну уже можно будет называть бабушкой, потом вместе выбирали имена, спорили о колясках и обсуждали, чем она сможет помочь молодой семье после родов. Юля была единственной дочерью, а потому Анне хотелось участвовать во всём, что происходило в её жизни, хотя она и понимала, что молодые должны сами принимать решения. Сегодня ей исполнилось сорок восемь не так давно, и предстоящее появление внука казалось не столько напоминанием о возрасте, сколько началом совершенно нового, радостного времени.

На кухонном столе лежали ещё два пакета, которые Анна не успела разобрать. Она аккуратно сложила кофточку, убрала ползунки и достала из самого большого пакета мягкий плед с маленькими белыми облаками. Олег наверняка поворчит, когда увидит всё это добро, но потом сам станет рассматривать покупки и спрашивать, сколько ещё осталось до рождения малыша. Муж уже несколько раз интересовался, когда можно будет купить коляску, а недавно даже предложил присмотреть детское автомобильное кресло. Анна улыбнулась, представив его с младенцем на руках: пятидесятиоднолетний Олег, всегда такой серьёзный и немного неуклюжий в проявлениях нежности, наверняка растеряется перед собственным внуком.

За двадцать семь лет брака она хорошо изучила его характер. Олег не любил долгих разговоров о чувствах, редко устраивал сюрпризы и предпочитал доказывать заботу поступками. Когда Юля была маленькой и часто болела, он мог среди ночи сорваться за лекарствами, не дожидаясь просьбы. Позднее встречал Анну после родительских собраний, помогал с тяжёлыми сумками, всегда следил, чтобы зимой в машине лежала запасная тёплая куртка. Они, конечно, ссорились, иногда по нескольку дней разговаривали друг с другом сухо и обиженно, но Анна никогда всерьёз не представляла, что их семья может распасться. Даже теперь, когда муж стал заметно раздражительнее, она продолжала считать эти перемены временными.

В последние месяцы Олег действительно много работал. Компания, в которой он руководил отделом продаж, переживала какие-то внутренние перестановки, и муж всё чаще задерживался допоздна. Дома он почти сразу садился перед телевизором, отвечал на сообщения, иногда уходил разговаривать по телефону в другую комнату. Анну это задевало, особенно когда он отмахивался от её попыток поговорить, однако она старалась не приставать с расспросами. Сама она преподавала русский язык и литературу, и с началом учебного года работы тоже прибавилось настолько, что вечером хотелось хотя бы немного тишины.

Правда, иногда её всё-таки тревожило, что муж почти перестал к ней прикасаться. Раньше он мог обнять её со спины, пока она готовила ужин, или поцеловать перед выходом из дома, а теперь нередко уходил, даже не попрощавшись. Анна несколько раз пыталась поговорить об этом, но Олег уверял, что просто устаёт и не понимает, почему она обязательно должна искать в его поведении какую-то проблему. Она обижалась, потом сама же начинала чувствовать себя виноватой. В конце концов, двадцать семь лет совместной жизни не могли быть похожи на первые месяцы знакомства, и Анна убеждала себя, что не стоит требовать от пятидесятилетнего мужчины прежней пылкости.

К половине шестого она закончила разбирать покупки, переоделась и позвонила мужу. Олег ответил не сразу, а когда наконец взял трубку, в его голосе слышалось обычное раздражение человека, которого отвлекли от важного дела. Анна напомнила, что они собирались ехать к Юле, и спросила, когда он освободится.

— Я же говорил, что сегодня задержусь, — недовольно ответил Олег. На заднем плане слышались голоса, и Анна решила, что он ещё находится в офисе. — Давай ближе к шести тридцати. Только мне потом ещё кое-что доделать надо, так что надолго у них не останемся.

— Хорошо, я тогда подъеду к тебе, — согласилась Анна, посмотрев на часы. — Мы всё равно мимо твоей работы поедем. Ты только не забудь, что Юля нас ждёт, ладно? Я ей уже обещала.

— Не забуду, Ань, — бросил муж и отключился прежде, чем она успела спросить, нужно ли ему что-нибудь купить по дороге. Анна ещё некоторое время смотрела на телефон, потом вздохнула и отправилась собираться. В последнее время такие короткие разговоры случались всё чаще, но сегодня она не собиралась из-за них расстраиваться.

Она выбрала светлую блузку, поправила волосы перед зеркалом и даже немного подкрасила губы. Вечером они увидят дочь, посидят вместе, обсудят малыша, а потом вернутся домой и, возможно, впервые за несколько дней спокойно поговорят. Анне хотелось рассказать Олегу о новой ученице, которая удивительно хорошо написала сочинение, и спросить, не съездить ли им в выходные за город. Раньше они любили такие короткие поездки, особенно в начале осени, когда уже не жарко, а деревья только начинают желтеть.

На улицах было многолюдно, и до офисного здания Анна добралась немного раньше назначенного времени. Она припарковалась недалеко от входа, положила телефон на соседнее сиденье и принялась рассматривать прохожих. Солнце уже опускалось за крыши домов, но воздух оставался тёплым, и люди выходили из офисов без курток, держа в руках сумки и бумажные стаканчики с кофе. Анна заметила молодую пару, которая остановилась у соседней машины: мужчина что-то рассказывал девушке, а та смеялась и поправляла ему волосы. От этого обыкновенного зрелища ей почему-то захотелось, чтобы Олег тоже иногда обнимал её вот так, не обращая внимания на окружающих.

Она взглянула на часы, собираясь написать мужу, что уже приехала, но в этот момент увидела его возле стеклянных дверей здания. Олег выходил не один. Рядом с ним шла высокая светловолосая женщина в светлом брючном костюме, которую Анна узнала почти сразу. Это была Инга, сотрудница той же компании, с которой они несколько раз встречались на корпоративных праздниках. Анна помнила её улыбку, уверенную манеру держаться и длинные серьги, которые та носила даже на обычные рабочие встречи. Однажды они разговаривали за общим столом, и Инга тогда очень приветливо расспрашивала Анну о школе.

Сначала Анна не увидела ничего необычного. Олег что-то говорил, Инга внимательно слушала, а потом они остановились возле невысокой ограды. Женщина рассмеялась, подняла руку и поправила ему воротник рубашки. Олег не отстранился. Он положил ладонь ей на талию, притянул ближе и поцеловал в губы, причём сделал это настолько естественно, словно подобные прощания давно стали для него привычными.

Анна не сразу поняла, что увидела. Первой мыслью было какое-то нелепое предположение, что она перепутала людей, хотя прекрасно различала и лицо мужа, и его тёмно-синюю рубашку, которую сама гладила вчера вечером. Потом ей показалось, что поцелуй мог иметь совершенно другое значение, но Инга обняла Олега за шею, и эта последняя надежда исчезла. Анна сидела, вцепившись пальцами в руль, и смотрела на них через лобовое стекло. В груди стало тесно, а сердце забилось так сильно, что ей пришлось открыть рот, чтобы вдохнуть.

Олег что-то сказал Инге, провёл рукой по её спине и отступил на шаг. Женщина продолжала улыбаться, поправляя волосы после поцелуя. Анна вдруг заметила, что на безымянном пальце мужа по-прежнему блестит обручальное кольцо. Она вспомнила, как утром поставила перед ним чашку кофе, как он попросил постирать рубашку к понедельнику и пообещал приехать к дочери. Всё это произошло сегодня, в том же самом дне, в котором он теперь стоял перед другой женщиной и целовал её.

Анна распахнула дверь машины и вышла так резко, что едва не задела стоявший рядом автомобиль. Ноги казались чужими, но она всё-таки направилась к ним, не представляя, что скажет, когда подойдёт. Олег первым заметил её. Его лицо мгновенно изменилось, он убрал руку от Инги и оглянулся по сторонам, словно надеялся убедиться, что никто из коллег не обращает на происходящее внимания.

— Аня? — произнёс он с таким удивлением, будто совершенно забыл об их договорённости. Несколько секунд он смотрел на жену, затем нахмурился и сделал шаг ей навстречу. — Ты чего тут? Я же сказал, к половине седьмого подъезжай.

— Ты... — Анна остановилась перед ним и попыталась продолжить, но голос неожиданно сорвался. Она перевела взгляд на Ингу, которая уже перестала улыбаться, и снова посмотрела на мужа. — Олег, это что сейчас было? Я же всё видела. Ты её поцеловал. Зачем ты её поцеловал?

— Аня, давай только не здесь, — произнёс он негромко, снова оглянувшись на вход в здание. По его лицу Анна видела, что он пытается сохранить спокойствие, но настороженный взгляд выдавал тревогу. — Мы дома поговорим, хорошо? Не надо устраивать представление возле работы.

— Представление? — переспросила она, не сразу поняв смысл его слов. — Ты при мне целуешь другую женщину, а я устраиваю представление? Олег, ты вообще слышишь, что говоришь?

Инга отступила на полшага, поправила сумку на плече и посмотрела на Олега. Анне на мгновение показалось, что сейчас эта женщина начнёт оправдываться, скажет, что всё не так, как выглядит, или хотя бы попросит прощения. Но Инга молчала. Она выглядела скорее раздосадованной неожиданной встречей, чем испуганной, и от этого Анне стало ещё хуже.

— Инга, иди, пожалуйста, — сказал Олег, не глядя на неё. Он положил ладонь Анне на локоть, но она сразу отдёрнула руку. — Мы сами разберёмся. Я тебе потом позвоню.

Последние слова ударили Анну почти так же сильно, как увиденный поцелуй. Он собирался потом позвонить этой женщине. После того как они вернутся домой, после разговора с женой, после всего, что сейчас происходило, он по-прежнему собирался ей звонить. Инга коротко кивнула, бросила на Анну взгляд, в котором та не сумела прочитать ничего похожего на сожаление, и направилась к стоянке.

— Стойте! — Анна сама испугалась своего голоса, но всё-таки сделала шаг следом. — Вы же знаете, что он женат? Вы меня знаете! Мы с вами за одним столом сидели, помните? Вы ещё спрашивали, сколько лет я в школе работаю. Вы же прекрасно знаете, кто я!

Инга остановилась и обернулась. Несколько секунд женщины смотрели друг на друга, пока Олег не оказался между ними. Анна ждала ответа, хотя уже понимала, что никакие слова не сделают увиденное менее реальным.

— Анна, я думаю, вам лучше поговорить с Олегом, — наконец произнесла Инга. Она говорила тихо, без видимого волнения, и только пальцы сильнее сжали ремешок сумки. — Я не хочу обсуждать ваши семейные отношения здесь, на улице.

— Наши семейные отношения? — Анна растерянно покачала головой. — Вы с моим мужем целуетесь возле его работы, а обсуждать наши семейные отношения не хотите? Господи, да что же это такое...

— Хватит, Аня, — вмешался Олег, на этот раз заметно резче. Он посмотрел на проходивших мимо людей и понизил голос. — Ты сейчас ничего не добьёшься, кроме того, что нас завтра весь офис обсуждать будет. Поехали домой. Там и поговорим.

Анна хотела возразить, но вдруг почувствовала, что больше не может стоять. Её начало знобить, хотя вечер оставался тёплым, а перед глазами всё расплывалось. Она повернулась к машине, сделала несколько шагов и остановилась, вспомнив о пакетах с детскими вещами. Ещё полчаса назад она собиралась показать их дочери, а теперь совершенно не представляла, что делать с этими покупками.

— У нас же Юля ждёт, — выговорила она, когда Олег подошёл сзади. Анна открыла багажник и показала на пакеты, словно муж мог не заметить, сколько всего лежит внутри. — Я ей обещала привезти вещи. Мы же к дочке ехать собирались. Она ждёт нас, Олег.

— Позвонишь и скажешь, что не получается, — ответил муж, забирая у неё ключи, которые она всё ещё держала в руке. Он посмотрел на её побледневшее лицо и открыл пассажирскую дверь. — Садись. Ты сейчас сама за руль не сядешь.

Она подчинилась почти машинально. Уже когда Олег выезжал со стоянки, Анна повернула голову и увидела, что Инга стоит возле своей машины с телефоном в руках. Женщина смотрела на экран и не обращала на них внимания. Анна неожиданно подумала, сколько раз Олег писал ей вечерами, сидя рядом с женой на диване, и от этой мысли к горлу снова подступила тошнота.

В дороге они долго молчали. Олег смотрел вперёд, уверенно перестраивался между машинами и лишь изредка бросал короткие взгляды на жену. Анна пыталась успокоиться, но перед глазами непрерывно возникала одна и та же картина: Инга поправляет мужу воротник, он кладёт руку ей на талию, они целуются. Особенно мучительным было то, что ни один из них не выглядел смущённым до её появления. Анна вдруг поняла, что увидела не случайную слабость и не неожиданное признание в чувствах, а что-то давно существующее без её ведома.

— Давно? — спросила она наконец, не поворачивая головы. Олег не сразу понял вопрос и переспросил, о чём она говорит. — Ты с ней давно? Только не надо сейчас говорить, что ничего не было. Я своими глазами всё видела.

— Аня, мы дома поговорим, — ответил муж, остановившись перед светофором. Он потёр переносицу и устало вздохнул. — Сейчас ты всё равно нормально разговаривать не сможешь.

— А ты можешь? — Анна посмотрела на него и почувствовала, как снова начинают дрожать губы. — Ты сейчас совершенно спокойно сидишь, машину ведёшь. Ты мне хоть скажи, это первый раз? Или ты уже давно мне врёшь?

— Не первый, — произнёс Олег после паузы. Он не посмотрел на неё, когда загорелся зелёный свет, и сразу тронулся с места. — Но я не хочу обсуждать это посреди дороги. Пожалуйста, давай доедем.

Анна отвернулась к окну. Ей хотелось плакать, кричать, заставить его остановиться и немедленно рассказать всё, но она вдруг поняла, что боится услышать подробности. За стёклами тянулись знакомые дома, магазины, остановки, возле которых она проезжала сотни раз. Ничего вокруг не изменилось, и от этого происходящее казалось особенно неправильным. Она даже вспомнила, что дома осталось мясо на ужин, которое нужно убрать в холодильник, и едва не рассмеялась от нелепости собственной мысли.

Когда они приехали, Олег поставил машину на привычное место и первым вышел наружу. Анна несколько секунд оставалась на сиденье, не решаясь открыть дверь. Она всё ещё надеялась, что муж подойдёт, обнимет её, скажет, что совершил ужасную ошибку и теперь не знает, как заслужить прощение. Вместо этого Олег открыл багажник, взглянул на пакеты с покупками и спросил, нужно ли забирать их наверх. Анна покачала головой, не доверяя своему голосу.

В квартире всё осталось точно таким, каким она оставила перед отъездом. На кухонном столе лежал список продуктов, на спинке стула висел её домашний кардиган, а в прихожей стояли мужнины тапочки. Олег прошёл в спальню, переоделся и вернулся на кухню, пока Анна всё ещё стояла возле входной двери. Его спокойные движения раздражали её почти невыносимо. Она сняла туфли, поставила сумку на тумбочку и прошла следом, стараясь не расплакаться раньше, чем услышит хоть какое-то объяснение.

— Ну? — спросила Анна, когда муж налил себе воды. Она остановилась напротив стола и скрестила руки, потому что не знала, куда их деть. — Я слушаю. Рассказывай, что у тебя с ней происходит.

Олег поставил стакан и присел на стул. Он выглядел усталым, словно разговор предстоял ему после особенно трудного рабочего дня. Анна с болезненной ясностью заметила, что даже сейчас муж не подошёл к ней и не попытался прикоснуться.

— У нас отношения, Ань, — сказал он наконец. — Я не стану делать вид, что ты неправильно что-то поняла. Да, мы с Ингой встречаемся. Так получилось.

— Так получилось? — Анна придвинула к себе стул, но не села. Она смотрела на мужа и никак не могла поверить, что слышит подобное объяснение. — Это как же у вас получилось? Ты однажды случайно её поцеловал, потом ещё раз случайно, а потом решил, что у вас отношения? Ты мне хотя бы нормально объясни!

— А как ты хочешь, чтобы я объяснил? — Олег развёл руками и посмотрел на неё с раздражением. — Мы стали много общаться, потом поняли, что нравимся друг другу. Я не собирался, чтобы всё так вышло, но теперь уже что есть, то есть. Нельзя же сделать вид, что ничего не произошло.

— А со мной можно было делать вид? — Анна наконец опустилась на стул, потому что ноги перестали её держать. — Со мной ты каждый вечер делал вид, что ничего не происходит. Ты домой приходил, за стол садился, со мной разговаривал. Я тебе рубашки гладила, еду готовила, спрашивала, почему ты устаёшь. А ты в это время с ней встречался?

Олег отвёл взгляд. Несколько секунд он рассматривал собственные руки, затем поднялся, подошёл к окну и поправил занавеску. Анна хорошо знала эту привычку: когда муж не хотел продолжать неприятный разговор, он начинал заниматься чем-нибудь незначительным, показывая, что вопрос для него уже исчерпан.

— Да, встречался, — ответил он, так и не повернувшись. — Я понимаю, что тебе неприятно это слышать. Но давай хотя бы попробуем поговорить без крика.

Анна закрыла лицо ладонями. Слёзы, которые она сдерживала всю дорогу, наконец хлынули, и ей пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы не задохнуться от рыданий. Олег стоял у окна, не решаясь или не желая подойти. Она чувствовала его присутствие, слышала, как он переминается с ноги на ногу, и от этого одиночество становилось ещё мучительнее.

— Ты ведь меня любил, — выговорила Анна, когда смогла немного успокоиться. Она вытерла щёки ладонями и посмотрела на мужа. — Олег, ты же любил меня. Мы ведь не чужие люди. Двадцать семь лет вместе прожили. Юлю вырастили, столько всего пережили. Неужели тебе ничего этого не жалко?

— Аня, я не говорил, что мне ничего не жалко, — ответил он, возвращаясь к столу. Его лицо на мгновение смягчилось, но Анна не увидела в нём того раскаяния, которого ждала. — Ты мне близкий человек, и я не собираюсь вычёркивать всё, что между нами было. Просто отношения меняются. Люди тоже меняются.

— А я не изменилась? — Она с горечью усмехнулась и снова вытерла глаза. — Я, значит, всё такая же удобная? Можно уходить к другой женщине, а потом приходить домой, потому что здесь привычно и спокойно? Ты хоть представляешь, как мне сейчас больно?

— Представляю, — коротко сказал Олег, хотя по его лицу было трудно понять, что именно он представляет. Он сел напротив и подвинул к ней коробку с бумажными салфетками. — Поэтому я и хотел сначала во всём разобраться, а уже потом разговаривать. Не думай, что мне самому легко.

Анна взяла салфетку, но так и не воспользовалась ею. Слова мужа о собственных трудностях вызвали в ней такое возмущение, что на несколько секунд она даже перестала плакать. Она смотрела на человека, с которым когда-то была готова прожить всю жизнь, и не понимала, как он может настолько не замечать происходящего с ней.

— Тебе нелегко? — переспросила она, сжимая салфетку в кулаке. — А что именно тебе нелегко, Олег? Выбирать, к какой женщине вечером поехать? Или смотреть мне в глаза, когда возвращаешься после неё? Ты хотя бы раз подумал, каково мне будет, когда я узнаю?

— Ну вот, опять начинается, — недовольно произнёс муж, откидываясь на спинку стула. Он провёл ладонью по лицу и заговорил уже жёстче. — Я не собираюсь сейчас оправдываться за каждую минуту. Да, я поступил неправильно, но это не значит, что ты можешь устраивать мне допрос. Мы взрослые люди и должны как-то решать такие вопросы.

Анна поднялась из-за стола. Ей хотелось уйти в спальню, закрыть дверь и больше не видеть мужа, но она понимала, что там всё будет напоминать о нём. На стене висела фотография с их последнего отпуска, на комоде стояла подаренная им шкатулка, а в шкафу рядом лежали их вещи. Несколько недель назад они вместе ездили к морю, гуляли по набережной, ужинали в небольшом ресторане и фотографировались на фоне заката. Анна вспомнила, как тогда прижалась к плечу мужа и попросила прохожего снять их вдвоём. Олег улыбался на фотографии, обнимал её за талию, и она ни на мгновение не усомнилась, что рядом с ней любящий человек.

— А наш отпуск? — спросила она, снова повернувшись к мужу. Голос прозвучал неожиданно тихо, и Олег поднял голову. — Мы же в июле ездили. Ты уже тогда с ней встречался?

— Аня, ну при чём здесь отпуск? — раздражённо отозвался он. — Мы нормально съездили, хорошо отдохнули. Зачем тебе сейчас всё вспоминать и портить даже то, что было хорошего?

— Потому что я хочу понять, когда ты начал мне врать! — Анна ударила ладонью по столу и сама вздрогнула от громкого звука. — Ты понимаешь? Я хочу знать, сколько времени прожила с человеком, который смотрел мне в глаза и делал вид, что всё хорошо! А ты мне про хороший отпуск рассказываешь!

Олег поморщился и попросил её успокоиться. Он не стал отрицать, что отношения с Ингой начались раньше летней поездки, но подробностей сообщать не захотел. Анна несколько раз возвращалась к вопросу, надеясь хотя бы услышать определённый срок, однако муж отвечал уклончиво и с каждым разом раздражался сильнее. Наконец она перестала спрашивать, потому что почувствовала, как иссякают силы. Ей вдруг стало страшно от одной мысли, что завтра придётся проснуться в этой квартире и снова увидеть его за завтраком.

— Собирай вещи, — произнесла Анна, выпрямившись. Она указала рукой в сторону спальни и с трудом удержалась от новых слёз. — Я не хочу, чтобы ты сегодня здесь оставался. Поезжай к своей Инге. Раз уж у вас отношения, вот к ней и поезжай.

Олег несколько секунд молчал, словно не сразу понял сказанное. Потом медленно поднялся и посмотрел на неё с таким выражением, будто жена предложила нечто совершенно неразумное. Анна ожидала, что он начнёт просить разрешения остаться или хотя бы попытается объяснить, почему не может сейчас уехать, но услышала совсем другое.

— Давай без этих глупостей, — произнёс муж, отодвигая стул. Он говорил уже спокойно, уверенным тоном, которым обычно прекращал семейные споры. — Сейчас никто никуда не поедет. И разводиться мы тоже пока не будем.

— Что? — Анна не поверила собственным ушам. Она даже сделала шаг к нему, пытаясь разглядеть в его лице хоть какой-то намёк на шутку. — Ты мне изменил, а теперь ещё будешь решать, разводиться мне с тобой или нет?

— До рождения внука никаких разводов, — отчётливо повторил Олег. Он выдержал её взгляд и продолжил, словно объяснял очевидную вещь. — У Юли сейчас беременность, ей нельзя лишний раз нервничать. Ты хочешь, чтобы она все эти месяцы переживала из-за наших отношений? Чтобы у неё вместо нормального ожидания ребёнка были бесконечные скандалы родителей?

Анна смотрела на него, не находя слов. Всего несколько часов назад она выбирала крошечные кофточки для будущего внука и радовалась тому, что дочь скоро станет матерью. Теперь муж использовал её радость как причину, по которой она должна продолжать жить рядом с человеком, который её предал. Она попыталась ответить, но только покачала головой.

— Ты сейчас серьёзно? — наконец спросила Анна, чувствуя, как к горлу снова подступают слёзы. — Ты хочешь, чтобы я до февраля жила с тобой как ни в чём не бывало? Чтобы готовила тебе ужины, стирала твои вещи и улыбалась дочери, пока ты будешь встречаться с Ингой?

— Я не сказал, что всё должно остаться как прежде, — возразил Олег, хотя ещё недавно вёл себя именно так. Он подошёл к раковине, сполоснул стакан и поставил его на сушилку. — Нам нужно время спокойно разобраться, а не устраивать сейчас беготню с чемоданами. Ты прекрасно знаешь, как Юля переживает из-за любой мелочи. Неужели нельзя хотя бы несколько месяцев подумать не только о себе?

— Не только о себе? — Анна всхлипнула и закрыла рот рукой, потому что голос снова сорвался. Она видела, как муж спокойно ставит стакан на место, и никак не могла заставить себя поверить, что это происходит с ней. — Я двадцать семь лет о вас думала! О тебе, о Юле, о доме. А теперь, когда ты мне изменил, я ещё и виновата буду, если не захочу рядом с тобой оставаться?

Олег тяжело вздохнул. Он подошёл ближе и попытался взять её за плечи, но Анна отшатнулась. Ей хотелось, чтобы он обнял её, как раньше, однако сама мысль о том, что совсем недавно эти руки касались Инги, причиняла почти физическую боль.

— Никто не говорит, что ты виновата, — произнёс муж, заметно смягчив голос. Он остановился на расстоянии шага и посмотрел на неё с усталым сожалением. — Я прекрасно понимаю, что тебе неприятно. Но нельзя же из-за наших личных проблем ставить под удар ребёнка. Юля скоро станет матерью, у неё и без того забот хватает. Давай хотя бы до родов ничего не менять, а потом уже будем решать.

— А с Ингой что? — спросила Анна, цепляясь за последнюю возможность услышать хоть что-нибудь обнадёживающее. Она вытерла лицо и внимательно посмотрела на мужа. — Ты с ней расстанешься? Скажешь, что это была ошибка, и больше не будешь встречаться?

Олег отвёл глаза. Он несколько секунд смотрел на холодильник, словно подбирал подходящие слова, а затем снова повернулся к жене. Анна уже по одному этому движению поняла, что ответа, которого она ждёт, не будет.

— Я пока ничего окончательно не решил, — сказал он. — И не собираюсь сейчас раздавать обещания, которые потом не смогу выполнить. Мне нужно самому разобраться в том, что я чувствую.

— Значит, я должна ждать, пока ты разберёшься? — Анна снова заплакала, уже не пытаясь скрыть слёзы. Она отступила к столу и оперлась на его край. — Сидеть здесь и ждать, пока

ты решишь, нужна тебе жена или любовница? А если ты выберешь её, то что? Поблагодаришь меня за терпение и спокойно уйдёшь?

— Аня, ты сейчас специально всё выставляешь в самом плохом свете, — раздражённо ответил Олег. Он посмотрел на часы и снова потёр переносицу. — Я предлагаю не принимать решений сгоряча. У нас дочь беременная, скоро внук родится, а ты хочешь всё разрушить немедленно. Подумай хотя бы о них.

Анна отвернулась. Ей было тяжело дышать, а от бесконечного плача начала болеть голова. Она прошла в спальню, села на край кровати и некоторое время смотрела на фотографию с моря. Олег туда не пошёл. Из кухни доносился шум воды, потом хлопнула дверца холодильника, и Анна с горечью поняла, что муж собирается ужинать. Ему удалось произнести самые страшные для неё слова, а теперь он просто продолжал обычный вечер.

Она вспомнила Юлю и потянулась за телефоном. Дочь наверняка уже ждала их, поглядывала на часы, рассказывала Денису о новых покупках. Анна не могла представить, как сейчас позвонит и скажет, что они не приедут, не объяснив причины. Но ещё меньше ей хотелось молчать. Она нуждалась в дочери, в её голосе, в возможности услышать, что хотя бы один близкий человек считает происходящее ужасным.

Юля ответила почти сразу. На заднем плане работал телевизор, а сама дочь говорила немного сонным голосом, словно отдыхала после ужина. Анна открыла рот, чтобы поздороваться, но вместо слов из горла вырвался всхлип.

— Мам? — встревожилась Юля, услышав её дыхание. — Ты чего? Что случилось? Вы с папой не приедете? Я тебе уже два раза писала.

— Юлечка... — Анна попыталась успокоиться, однако слёзы снова потекли по щекам. Она сжала телефон обеими руками и наклонилась вперёд. — Доченька, я не знаю, как тебе сказать. У нас с папой... Господи, Юля, я сегодня такое увидела. Я даже не знаю, что теперь делать.

— Мам, успокойся, пожалуйста, — быстро ответила дочь. В её голосе появилась тревога, но Анна не услышала удивления, которого ожидала. — Ты только не плачь так. Что там у вас опять произошло?

— Он мне изменяет, Юля, — выговорила Анна, больше не пытаясь говорить спокойно. — Представляешь, я приехала за ним на работу, а он там с женщиной. С Ингой, помнишь её? Я своими глазами видела, как они целовались. Он даже отрицать не стал. Сказал, что у них отношения.

На другом конце линии наступила пауза. Анна ждала возмущённого вопроса, испуганного восклицания, чего угодно, что показало бы, насколько невероятным кажется дочери это известие. Однако Юля молчала, а потом тихо вздохнула. Этот вздох был таким странным, таким непохожим на реакцию человека, впервые узнавшего об измене собственного отца, что Анна насторожилась даже сквозь слёзы.

— Мам, только давай без резких решений, ладно? — наконец произнесла Юля. Она заговорила осторожно, словно заранее знала, какие слова могут вызвать неприятную реакцию. — Я понимаю, что тебе сейчас тяжело, но ты же знаешь, как мне нельзя волноваться. Пожалуйста, не начинайте с папой ничего серьёзного прямо сейчас.

Анна выпрямилась. Она несколько секунд смотрела на стену перед собой, пытаясь осмыслить услышанное. Дочь не спросила, кто такая Инга, не удивилась, не потребовала позвать отца к телефону. Она сразу начала просить не принимать решений, словно давно подготовилась к этому разговору.

— Юля, подожди, — произнесла Анна, медленно поднимаясь с кровати. Она подошла к окну и прижала свободную руку к груди. — Ты сейчас о чём говоришь? Ты слышала, что я сказала? У папы другая женщина. Он мне изменяет.

— Я слышала, мам, — ответила дочь, и в её голосе послышались слёзы. Она глубоко вздохнула и заговорила быстрее. — Просто я очень тебя прошу, давай пока ничего не будем менять. Мне и так страшно перед родами, я постоянно переживаю, вдруг что-нибудь не так. Я не хочу ещё и из-за вас нервничать.

— Откуда ты знаешь, что менять? — Анна сама не заметила, как повысила голос. Она крепче сжала телефон и повторила: — Юля, ты что-то знаешь? Ты знала про Ингу?

Дочь не ответила сразу. Анна услышала, как она что-то тихо сказала Денису, после чего щёлкнула дверь. Вероятно, Юля ушла в другую комнату. Эти обыкновенные звуки почему-то испугали Анну сильнее всего, потому что дочь явно собиралась говорить о том, что уже давно существовало и требовало осторожности.

— Мам, я не хотела тебе ничего рассказывать, пока вы сами не разберётесь, — наконец произнесла Юля. Голос её дрожал, однако она продолжала старательно подбирать слова. — Папа летом мне всё объяснил. Он сказал, что у вас давно проблемы, что вы оба несчастливы, просто не хотите друг другу в этом признаваться. Я думала, вы сами поговорите.

Анна медленно опустилась на край кровати. Она чувствовала, что сейчас должна о чём-то спросить, но мысли путались. Летом. Юля знала ещё летом. Значит, когда они вместе выбирали первые детские вещи, когда обсуждали будущего малыша, когда дочь смеялась над покупками и приглашала родителей в гости, она уже знала о другой женщине. Анна попыталась вспомнить, не замечала ли тогда чего-нибудь странного в её поведении, но в памяти возникали только обычные разговоры и радостные улыбки.

— Ты знала? — тихо переспросила она, хотя только что услышала ответ. По щекам снова потекли слёзы, но теперь Анна почти не замечала их. — Юля, ты знала, что у папы любовница, и мне ничего не сказала? Ты же видела, как я с ним разговариваю, как обнимаю его. Я тебе про наш отпуск рассказывала. Ты всё это время знала?

— Мам, ну пожалуйста, — заплакала дочь. Анна услышала, как она всхлипывает, и привычное желание успокоить её на мгновение оказалось сильнее собственной боли. — Я не знала, как правильно поступить. Папа попросил меня не вмешиваться. Он сказал, что сам всё тебе объяснит, когда будет подходящий момент. А я беременная, мне и без того тяжело. Я просто не хотела, чтобы у нас начались скандалы.

— У нас? — переспросила Анна, вытирая лицо рукавом. Ей хотелось закричать, но голос сделался почти неслышным. — Юля, у кого это у нас? Это мой муж, понимаешь? Мой муж мне изменяет. А ты всё лето знала и молчала.

— Потому что я не хотела потерять семью! — неожиданно громко ответила дочь. Она разрыдалась, и несколько секунд Анна слышала только её прерывистое дыхание. — Мам, я скоро рожу. Мне нужны вы оба. Я хочу, чтобы вы с папой были рядом, чтобы мы могли нормально общаться, чтобы ребёнок родился в спокойной обстановке. Неужели ты не можешь немного потерпеть ради меня?

Анна закрыла глаза. Дочь плакала, и ей было больно слышать эти слёзы, но впервые в жизни она не понимала, как утешить собственного ребёнка. Ещё совсем недавно ей казалось, что Юля непременно возмутится поступком отца, обнимет её и скажет, что она ни в чём не виновата. Вместо этого дочь просила продолжать жить с человеком, который её предал, и объясняла просьбу собственной беременностью.

— Я не могу, Юля, — прошептала Анна. Она наклонилась вперёд, прижимая ладонь ко лбу, и почувствовала, что больше не в силах сдерживать рыдания. — Я не могу делать вид, что ничего не случилось. Он же другую женщину целует, доченька. Он домой ко мне приходит после неё. Как ты себе представляешь, чтобы я теперь рядом с ним спала?

— Я не прошу тебя делать вид, что ничего не случилось, — ответила Юля, стараясь успокоить дыхание. В её голосе уже появилось то же настойчивое терпение, с которым несколько минут назад говорил Олег. — Просто не разводитесь пока. Можно же пожить спо-

койно несколько месяцев, а потом уже решить. Папа сказал, что сейчас главное — не нервировать меня.

Анна подняла голову. Она вдруг вспомнила слова мужа, произнесённые на кухне с такой непоколебимой уверенностью: до рождения внука никаких разводов. Тогда ей показалось, что это только его наглая попытка распоряжаться её жизнью, но теперь выяснялось, что дочь заранее согласилась с ним. Анна медленно провела ладонью по лицу и спросила, стараясь произносить каждое слово отчётливо:

— Юля, скажи мне одну вещь. Вы с папой это обсуждали? Не просто его отношения с Ингой, а то, что я должна с ним оставаться до февраля? Вы заранее решили, что я буду делать, когда узнаю?

Дочь снова замолчала. Анна слышала её дыхание, какие-то приглушённые звуки из соседней комнаты и собственное сердцебиение. Потом Юля тихо всхлипнула и ответила уже почти умоляющим голосом:

— Мам, ну мы с папой уже договорились, что до рождения малыша ничего не будем менять. Я его очень попросила, и он согласился. Пожалуйста, не порть сейчас всё. Нам же совсем немного осталось потерпеть.

Анна медленно опустила телефон от уха, хотя дочь продолжала что-то говорить. Она смотрела на фотографию с моря, где Олег обнимал её за талию, и пыталась вспомнить, в какой именно момент они с Юлей решили, что могут распоряжаться её дальнейшей жизнью. За дверью спальни послышались шаги мужа, затем он остановился в коридоре и негромко спросил, поговорила ли она с дочерью. Анна не ответила. Она снова приложила телефон к уху, услышала встревоженное «мамочка, ну скажи что-нибудь» и поняла, что не знает, с кем из них теперь ей больнее разговаривать.

Глава 2. Ты скоро станешь бабушкой

Утром Анна проснулась раньше будильника и несколько минут лежала с закрытыми глазами, пытаясь понять, почему ей так не хочется вставать. За окном начинался обычный сентябрьский день, во дворе уже хлопали автомобильные двери, кто-то разговаривал под окнами, а из кухни доносился негромкий шум воды. Олег, судя по всему, собирался на работу. Анна повернула голову и посмотрела на его половину кровати: подушка была аккуратно уложена, одеяло расправлено, словно муж вообще не ложился рядом. Ночью она почти не спала, несколько раз слышала, как он ходил по квартире, а ближе к утру обнаружила, что он устроился в гостиной. Теперь от одной мысли, что придётся выйти из спальни и встретиться с ним, у неё начинало неприятно сжиматься горло.

Вчерашний вечер вспоминался отдельными обрывками, и Анна никак не могла соединить их в привычную картину собственной жизни. Перед глазами возникала Инга, поправляющая мужу воротник, потом Олег за кухонным столом, его раздражённое лицо, а следом — голос дочери, которая просила ничего не менять до рождения ребёнка. Анна вспомнила, как после разговора с Юлей муж заглянул в спальню и спросил, договорились ли они. Она тогда не ответила, а он постоял возле двери, сказал, что утром им обоим будет легче разговаривать, и ушёл. Больше они не виделись, хотя Анна до глубокой ночи прислушивалась к звукам из соседней комнаты и несколько раз порывалась выйти, чтобы всё-таки заставить его объясниться.

Она села на кровати, провела ладонями по лицу и увидела в зеркале на шкафу женщину с опухшими веками и растрёпанными волосами. На работу идти не хотелось совершенно, но сегодня у неё было пять уроков, включая занятия в выпускном классе, и Анна не представляла, кому можно поручить их посреди учебной недели. Она заставила себя подняться, умылась холодной водой, долго выбирала одежду, хотя обычно справлялась за несколько минут. Когда она наконец вышла на кухню, Олег уже стоял у стола с чашкой кофе и просматривал что-то в телефоне. При её появлении он поднял голову, окинул жену внимательным взглядом и убрал аппарат экраном вниз.

— Доброе утро, — произнёс он таким тоном, словно вчера между ними произошла обычная ссора. Олег подвинул к краю стола тарелку с нарезанным хлебом и посмотрел на часы. — Я кофе сварил, там ещё осталось. Ты сегодня во сколько заканчиваешь?

Анна остановилась возле холодильника. Она смотрела на мужа, на его чистую рубашку, аккуратно застёгнутые манжеты, привычно уложенные волосы и не могла понять, почему он выглядит настолько спокойно. Ей хотелось спросить, спал ли он вообще, думал ли хоть минуту о том, что произошло, вспоминал ли её слёзы. Вместо этого она машинально ответила, что освободится около трёх, а затем разозлилась на себя за готовность поддерживать самый обычный разговор.

— Олег, ты правда собираешься сейчас спрашивать меня о работе? — произнесла Анна, так и не притронувшись к кофе. Она оперлась ладонью о спинку стула и почувствовала, как снова начинают дрожать пальцы. — После вчерашнего? Ты даже не спросил, как я себя чувствую.

— Ань, я вижу, как ты себя чувствуешь, — ответил муж, откладывая телефон. Он посмотрел на её лицо и нахмурился. — Но нам обоим нужно идти на работу. Я не хочу, чтобы мы каждое утро начинали со скандала. Вчера всё обсудили, теперь надо немного успокоиться.

— Мы ничего не обсудили, — возразила Анна, и голос её сразу сделался громче. Она отодвинула стул, но садиться не стала. — Ты мне сообщил, что у тебя другая женщина, а потом запретил разводиться до февраля. Это, по-твоему, разговор? Ты даже не сказал, собираешься ли прекращать с ней встречаться.

Олег устало вздохнул и поднялся. Он взял со стола ключи, проверил карманы брюк и лишь после этого снова посмотрел на жену. Анна заметила, что он торопится, и поняла: продолжать разговор муж совершенно не намерен.

— Я тебе уже объяснил, что мне нужно время, — ответил он, направляясь в прихожую. — И тебе тоже не мешало бы немного подумать. Поговори сегодня с Юлей спокойно, без слёз и обвинений. Она вчера потом мне звонила, очень расстроилась. Ты же не хочешь, чтобы у неё из-за нас начались проблемы?

Анна осталась стоять возле стола. Олег надел пиджак, взял портфель и, уже открыв дверь, добавил, что вечером может задержаться. Она хотела спросить, на работе ли он собирается задержаться или у Инги, но не успела произнести ни слова. Дверь закрылась, и через несколько секунд Анна услышала, как внизу хлопнула подъездная дверь. Она подошла к окну, увидела, как муж садится в машину, и неожиданно заплакала, хотя ещё минуту назад была уверена, что слёз больше не осталось.

В школе приходилось делать вид, что ничего особенного не происходит. Анна проверяла тетради, объясняла новую тему, несколько раз останавливала разговорившихся учеников и даже сумела улыбнуться, когда один из мальчишек перепутал фамилии писателей. Но стоило прозвенеть звонку, как перед глазами снова возникала вчерашняя сцена возле офиса. Во время большой перемены она закрылась в пустом кабинете, достала телефон и открыла переписку с дочерью. Юля прислала утром короткое сообщение с просьбой не переживать и предложением приехать после работы. Анна долго смотрела на эти слова, пытаясь понять, как вообще можно перестать переживать после того, что она узнала.

Ей хотелось верить, что вчера дочь просто растерялась. Беременность была первой, Юля действительно много волновалась, постоянно читала о развитии ребёнка, расспрашивала врачей и иногда пугалась совершенно обычных ощущений. Возможно, услышав, что родители собираются расстаться, она подумала прежде всего о собственных страхах и не сразу поняла, какую боль причиняет матери. Анна готова была простить ей эту растерянность. Гораздо труднее было смириться с тем, что Юля знала об измене всё лето и ни разу не попыталась предупредить её.

После уроков Анна некоторое время сидела за учительским столом, глядя на стопку непроверенных работ. Она понимала, что дома ничего не сделает, но и оставаться в школе больше не могла. В конце концов сложила тетради в сумку, предупредила коллегу, что сегодня задерживаться не будет, и вышла. По дороге к дочери она несколько раз представляла предстоящий разговор. Ей хотелось спросить, когда именно Юля узнала об Инге, что сказал ей отец, почему она решила молчать. Но больше всего Анна надеялась, что дочь обнимет её и признается, что вчера говорила не подумав.

Юля открыла дверь почти сразу. На ней были свободные домашние брюки и длинная футболка, под которой уже заметно округлился живот. Увидев мать, она прикусила губу, шагнула навстречу и крепко обняла её. Анна почувствовала знакомый запах дочериных волос, прижалась щекой к её голове и неожиданно снова расплакалась. Юля тоже заплакала, начала гладить мать по спине и повторять, что всё обязательно наладится. Несколько минут они стояли в прихожей, не пытаясь разговаривать, и Анне показалось, что прежняя близость между ними ещё существует.

— Мамочка, ну пожалуйста, не плачь, — попросила Юля, когда они наконец прошли на кухню. Она усадила мать за стол, достала две чашки и поставила чайник. — Я сама вчера всю ночь не спала. Денис уже не знал, что со мной делать. Мне так страшно, что вы с папой теперь совсем перестанете общаться.

— Юлечка, а ты подумала, каково мне? — спросила Анна, снимая пальто и аккуратно складывая его на соседний стул. Она посмотрела на дочь, которая старалась не встречаться с ней глазами. — Я вчера увидела, как мой муж целует другую женщину. Двадцать семь лет мы

вместе прожили, а я стояла возле его работы и даже не знала, что сказать. Потом выяснилось, что ты давно всё знаешь. Ты хоть представляешь, что я почувствовала?

Юля опустилась напротив и обхватила ладонями чашку, хотя чайник ещё не успел закипеть. Она выглядела виноватой, глаза у неё покраснели, и Анна почувствовала привычное желание немедленно прекратить неприятный разговор. Но на этот раз заставила себя продолжить. Ей необходимо было понять, что произошло с дочерью, которой она всегда доверяла.

— Я не хотела тебя обманывать, — тихо произнесла Юля. Она потёрла большим пальцем край чашки и снова всхлипнула. — Папа сказал, что у вас давно всё плохо, просто вы не хотите об этом говорить. Я тогда спросила, почему ты ничего мне не рассказываешь, а он ответил, что ты сама пока не готова. Я думала, вы постепенно разберётесь.

— Он тебе сказал, что у нас всё плохо? — Анна растерянно покачала головой. Она вспомнила летний отпуск, поездку к морю, вечера на набережной и снова почувствовала, как к горлу подступают слёзы. — Юля, мы в июле вместе отдыхали. Я тебе фотографии показывала. Я не знала ни про какую другую женщину, понимаешь? Для меня наш брак не был несчастливым.

— Мам, но папа ведь тоже имеет право что-то чувствовать, — осторожно ответила дочь. Она подняла глаза, заметила выражение материнского лица и поспешно добавила: — Я не говорю, что он правильно поступил. Конечно, надо было сначала с тобой поговорить. Просто, может быть, у него действительно давно что-то изменилось, а он не знал, как тебе об этом сказать.

Анна несколько секунд молчала. Она смотрела на дочь и не могла избавиться от ощущения, что разговаривает с человеком, который уже успел выслушать и принять другую сторону, а теперь пытается осторожно объяснить ей готовое решение. Юля не отрицала поступка отца, но всякий раз находила причину, по которой он мог вести себя именно так. Анна вспомнила, сколько раз в детстве дочь прибегала к ней жаловаться на обиды и как внимательно она тогда выслушивала её, прежде чем делать какие-либо выводы.

— А почему ты у меня не спросила? — произнесла Анна, наклонившись к столу. Она старалась говорить спокойно, хотя голос всё равно дрожал. — Почему не приехала и не сказала: мама, папа говорит, что вы несчастливы, это правда? Я бы тебе ответила. Мы с тобой всегда обо всём разговаривали.

— Потому что я не хотела вмешиваться! — Юля неожиданно повысила голос, но тут же остановилась и провела ладонью по животу. — Мам, я только узнала, что беременна. Я боялась, что вы начнёте ссориться, а потом мне придётся между вами выбирать. Папа обещал, что всё решит сам. Я думала, так будет лучше.

— Лучше для кого? — спросила Анна, чувствуя, как внутри поднимается обида. Она подвинула к дочери коробку с салфетками, которую та достала из шкафа, и снова покачала головой. — Для меня точно не лучше. Я всё лето жила рядом с человеком, который мне изменял. А ты знала и смотрела, как я строю с ним планы.

Юля снова заплакала. Она закрыла лицо руками и некоторое время не могла ничего сказать, а Анна сидела напротив, мучительно пытаясь удержаться от привычных утешений. Наконец дочь вытерла слёзы, поднялась и налила кипяток в чашки. Руки у неё слегка дрожали, и Анна автоматически хотела предложить помощь, но Юля сама справилась с чайником и снова села.

— Я понимаю, что тебе больно, — сказала она, пододвигая матери чай. — Правда понимаю. Но мне ведь тоже страшно. Я всю жизнь знала, что у меня есть мама и папа, что вы вместе, что мы можем приехать к вам в любой момент. А теперь я рожу, и что будет? Вы даже за одним столом сидеть не сможете?

— Юля, мы же не исчезнем из твоей жизни, — ответила Анна, пытаясь достучаться до дочери. Она взяла чашку, но пить не стала. — Ты моя дочь, и я тебя люблю. Я обязательно

буду помогать тебе с малышом. Папа тоже никуда не денется. Почему ты решила, что развод означает, будто мы перестанем быть твоими родителями?

— Потому что сейчас вы уже ругаетесь! — возразила Юля, заметно оживившись. Она положила ладони на живот и посмотрела на мать почти умоляюще. — Я вчера папе позвонила, он весь злой, ты плачешь. А мне что делать? Я хочу нормально родить, хочу, чтобы вы оба приехали меня из роддома встречать. Я не хочу думать, кто с кем поссорился и кого нельзя приглашать одновременно.

Анна посмотрела на дочь, стараясь понять, действительно ли та не замечает происходящего. Юля говорила о роддоме, о совместных встречах, о привычных праздниках и будто совершенно не представляла, что мать может не захотеть сидеть рядом с женщиной, которую отец выберет вместо неё. Анне хотелось объяснить, что дело не в желании испортить семейный праздник и не в упрямстве, но дочь уже продолжала перечислять возможные неудобства.

— Потом малыш родится, Денис на работу выйдет, а я одна останусь, — говорила Юля, растирая пальцами виски. — Ты обещала помогать, папа тоже обещал. А если вы сейчас начнёте разводиться, квартиру делить, выяснять отношения, вам будет не до меня. Я же знаю, как это бывает. Все будут заняты своими проблемами, а я останусь с ребёнком и не буду знать, к кому обратиться.

— У тебя есть муж, — напомнила Анна, уже с трудом сдерживая раздражение. Она посмотрела в сторону прихожей, где стояли Денисовы ботинки. — Денис тебя любит, он хороший человек. И я никуда не собираюсь пропадать. Но ты же понимаешь, что я не могу продолжать жить с твоим отцом только потому, что вам так удобнее?

— Я не говорю, что вы должны всю жизнь вместе прожить, — ответила Юля, и Анна болезненно вздрогнула от этих слов. Дочь подалась вперёд и попыталась взять её за руку. — Просто потерпи несколько месяцев. До февраля осталось не так уж много. Потом малыш родится, мы немного привыкнем, а вы уже спокойно решите, что делать дальше. Неужели ради меня нельзя?

Анна убрала руку, чтобы вытереть глаза. Ей было неприятно слышать от собственной дочери слово «потерпи», произнесённое так легко, словно речь шла о временной бытовой неприятности. Она представила, как каждый вечер будет встречать Олега, не зная, откуда он возвращается, как станет стирать его рубашки и готовить ужин, пока он решает, какую женщину любит. От одной этой мысли ей стало плохо, и она несколько секунд просто сидела, глядя на остывающий чай.

— А если он до февраля будет с ней встречаться? — спросила Анна, когда смогла заговорить. Она внимательно посмотрела на дочь, надеясь, что хотя бы этот вопрос заставит её увидеть происходящее иначе. — Представь, что Денис тебе изменил. Ты бы смогла каждый день жить с ним, знать, что он приходит после другой женщины, и делать вид, что всё нормально?

Юля покраснела и опустила глаза. Некоторое время она молчала, затем осторожно поправила рукав домашней кофты и ответила, что Денис никогда бы так не поступил. Анна невольно усмехнулась, услышав эту уверенность. Ещё вчера она сама точно так же была убеждена, что её муж никогда не станет целовать другую женщину.

— Я не знаю, мам, — наконец призналась дочь, заметив, как мать смотрит на неё. — Наверное, мне было бы очень тяжело. Но я сейчас беременна, и мне правда нельзя столько нервничать. Ты же сама всегда говорила, что здоровье ребёнка важнее всего.

— Конечно, важнее, — ответила Анна, чувствуя, как усталость постепенно вытесняет возмущение. Она взяла дочь за руку и осторожно погладила её пальцы. — Я только не понимаю, почему ради этого мне нужно терпеть измену. Разве нельзя просто договориться, что наши отношения с папой не будут касаться тебя? Я не собираюсь заставлять тебя выбирать между нами.

Юля покачала головой. Ей хотелось получить совсем другой ответ, и Анна видела это по тому, как дочь поджимает губы и отворачивается. Слова матери не обещали сохранить привычную семейную картину, в которой оба родителя приезжают вместе, помогают по первому звонку и никогда не заставляют задумываться о собственных трудностях. Наконец Юля снова заговорила, уже более осторожно, стараясь предложить компромисс.

— Папа ведь ещё ничего окончательно не решил, — сказала она, поглядывая на мать. — Может, он сам поймёт, что совершил ошибку. Вы же столько лет вместе, мам. Зачем сейчас сразу разводиться? Дай ему немного времени.

Анна почувствовала, как в груди болезненно шевельнулась надежда. Именно этих слов она ждала со вчерашнего вечера, хотя прекрасно понимала, что произносит их не муж. Она хотела верить, что Олег действительно запутался, что отношения с Ингой окажутся временным увлечением, после которого он вернётся домой и начнёт просить прощения. Ей было стыдно за эту надежду, но отказаться от неё после двадцати семи лет брака оказалось гораздо труднее, чем она представляла.

— Ты думаешь, он может вернуться? — тихо спросила Анна, не отводя взгляда от дочери. Она почувствовала, как снова подступают слёзы, и поспешно вытерла лицо. — Юля, он тебе что-нибудь такое говорил? Он сказал, что хочет сохранить семью?

Юля замялась. Она знала больше, чем собиралась рассказывать, и вопрос матери оказался для неё неприятным. Олег действительно говорил о намерении жениться на Инге, но дочь не хотела сейчас вспоминать об этом, когда мать впервые за весь разговор немного успокоилась. Юля отвела глаза, взяла чашку и сделала несколько глотков почти остывшего чая.

— Он сказал, что не хочет делать тебе больно, — ответила она наконец. — И что ему самому непросто. Значит, ещё не всё потеряно. Может, если вы не будете торопиться, он действительно разберётся в себе.

Анна ухватилась за эти слова, хотя в них не было настоящего обещания. Она сидела рядом с дочерью и вспоминала, каким Олег был раньше: как привёз ей цветы после рождения Юли, как однажды целую ночь просидел возле заболевшей жены, как переживал, когда она упала зимой и сломала руку. Неужели человек, который столько раз заботился о ней, мог совершенно перестать любить? Анна понимала, что нельзя оценивать нынешний поступок только по прошлым заслугам, но воспоминания всё равно возвращались, заставляя сомневаться в собственном решении.

— Хорошо, — произнесла она после долгого молчания. Юля сразу выпрямилась, и по её лицу Анна поняла, что дочь готова обрадоваться раньше времени. — Я не буду сегодня подавать на развод. И завтра тоже. Дам себе две недели, чтобы всё обдумать. Но только две недели, Юля. Я не обещаю жить с ним до февраля и не собираюсь делать вид, что ничего не произошло.

— Мамочка, спасибо! — Юля поднялась и обняла её, насколько позволял округлившийся живот. Она снова расплакалась, но теперь уже от облегчения. — Я знала, что ты меня поймёшь. Вот увидишь, всё ещё может наладиться. Главное, чтобы вы сейчас не ссорились.

Анна осторожно обняла дочь в ответ, однако радости не почувствовала. Она понимала, что две недели ничего не решают и что Олег может воспользоваться этим временем совсем не так, как ей хотелось. Но Юля наконец перестала плакать, прижалась к ней и начала рассказывать, как малыш сегодня толкался после обеда. Анна слушала, поглаживала дочь по спине и старалась не думать о том, что ради этого короткого спокойствия согласилась снова ждать решения мужа.

Денис вернулся ближе к вечеру, когда женщины уже пили вторую чашку чая. Он поздоровался с Анной, поцеловал жену в висок и сразу заметил её покрасневшие глаза. Юля поспешила сказать, что они с мамой поговорили и пока всё будет спокойно, после чего попросила мужа достать из холодильника продукты для ужина. Денис посмотрел на тёщу немного насто-

роженно, но расспрашивать не стал. Анне было приятно, что он не пытается вмешиваться, хотя одновременно она поймала себя на неприятной мысли: возможно, и ему давно известно больше, чем она предполагает.

Домой Анна вернулась около восьми. Олег сидел в гостиной перед телевизором, рядом на столике стояла чашка чая и лежал телефон. Услышав, как открылась дверь, он вышел в прихожую и спросил, как прошёл разговор с дочерью. Анна сняла обувь, повесила пальто и несколько секунд собиралась с мыслями, прежде чем ответить. Она не хотела рассказывать мужу, как Юля плакала и уговаривала её потерпеть, потому что уже начинала понимать, насколько удобно ему будет воспользоваться этим.

— Я решила пока ничего не предпринимать, — сказала она, проходя на кухню. Олег последовал за ней, внимательно слушая. — Две недели, Олег. Я хочу понять, что происходит и как нам дальше жить. Но это не значит, что я согласна терпеть до февраля.

— Ну вот, уже разумнее, — одобрительно произнёс муж, и Анна поморщилась от его тона. Он открыл холодильник, достал приготовленные ею вчера продукты и поставил на стол. — Я же говорил, что не надо рубить с плеча. Юля наверняка успокоилась. Нам всем сейчас нужно немного времени.

Анна посмотрела, как он достаёт тарелку и начинает накладывать себе ужин. Ей хотелось, чтобы он хотя бы спросил, ела ли она, но Олег был занят своими делами. Она села за стол, машинально поправила салфетницу и снова попыталась поговорить о том, ради чего вообще согласилась ждать.

— Олег, я хочу, чтобы ты меня правильно понял, — начала Анна, стараясь не повышать голос. — Я не собираюсь две недели притворяться, будто у нас всё хорошо. Мне нужно знать, что ты намерен делать с Ингой. Ты вчера сказал, что не решил, а сегодня уже целый день прошёл. Ты хоть разговаривал с ней?

Муж замер с вилкой в руке. Несколько секунд он смотрел на жену, затем положил прибор на тарелку и устало вздохнул. Анна уже узнавала это выражение лица: так он реагировал, когда считал, что она снова требует слишком многого.

— Аня, я же просил дать мне время, — ответил Олег, отодвигая тарелку. — Нельзя просто взять и оборвать отношения с человеком, будто ничего не было. Инга тоже живой человек, у неё есть чувства. Мне нужно с ней спокойно поговорить, всё объяснить.

Анна почувствовала, как к лицу приливает кровь. Она несколько секунд смотрела на мужа, пытаясь понять, действительно ли он только что попросил её учитывать чувства любовницы. Потом медленно поднялась и отошла к окну, потому что сидеть напротив него больше не могла.

— А мои чувства тебя не интересуют? — спросила она, обернувшись. Голос её дрожал, и Анна с трудом удерживалась от крика. — Я двадцать семь лет твоя жена, Олег. Ты со мной тоже собираешься спокойно поговорить? Или мне просто велено ждать, пока ты решишь, кого можно обидеть, а кого нельзя?

— Я не говорил, что твои чувства меня не интересуют, — раздражённо возразил муж. Он снова взял вилку и принялся есть, явно считая разговор исчерпанным. — Просто ты требуешь немедленных решений, а я к этому не готов. Если уж мы договорились не торопиться, давай хотя бы попробуем нормально жить эти две недели.

Анна ничего не ответила. Она смотрела, как муж спокойно ужинает, и чувствовала одновременно стыд за собственную уступку и мучительное желание, чтобы он всё-таки передумал. Ей хотелось вырвать у него обещание прекратить связь, но она боялась услышать окончательный отказ. В конце концов Анна ушла в спальню, оставив мужу его ужин, и долго сидела на кровати, слушая звуки телевизора из соседней комнаты. Олег не пришёл поговорить с ней и в этот вечер.

Следующие дни складывались из обыкновенных дел, которые теперь требовали от Анны неожиданно больших усилий. Она ходила на работу, проверяла тетради, покупала продукты, разговаривала с дочерью и старалась не думать постоянно о том, где находится муж. Олег возвращался в разное время, иногда интересовался её делами, а иногда проходил мимо, даже не замечая, что она сидит за кухонным столом с раскрытой книгой. Анна несколько раз ловила себя на том, что радуется его короткому вопросу или случайной улыбке. Потом вспоминала Ингу и начинала сердиться на собственную готовность довольствоваться такими мелочами.

Однажды вечером Олег попросил погладить ему светлую рубашку к следующему дню. Анна уже собиралась ответить привычным согласием, но вдруг представила, как муж надевает эту рубашку и отправляется встречаться с любовницей. Она сказала, что сегодня не будет ничего гладить, и Олег посмотрел на неё с искренним недоумением. Он не стал устраивать скандал, только пожал плечами и заметил, что не ожидал от неё такой мелочности. Анна потом долго сидела в спальне, чувствуя себя одновременно виноватой и обиженной, а утром увидела, что муж сам достал утюг и справился с рубашкой без её помощи.

В пятницу позвонила Галина Викторовна. Свекровь говорила особенно ласково, как обычно бывало, когда собиралась попросить о чём-нибудь неприятном. Анна сразу насторожилась, но всё-таки выслушала расспросы о работе, погоде и самочувствии Юли. Лишь после этого Галина Викторовна перешла к настоящей причине звонка.

— Анечка, ты уж только не сердись, что я вмешиваюсь, — начала она, понизив голос. — Олежек мне кое-что рассказал. Я понимаю, у вас сейчас непростой период, но ты ведь женщина взрослая, умная. Двадцать семь лет вместе прожили, неужели из-за одной ошибки нужно всё разрушать?

Анна крепче сжала телефон. Она сидела за столом, перед ней лежали тетради, и несколько минут назад её больше всего беспокоило, как объяснить одному из учеников разницу между темой и основной мыслью сочинения. Теперь свекровь, с которой она столько лет поддерживала хорошие отношения, рассуждала об измене сына как о незначительной семейной неприятности. Анна попыталась ответить спокойно, но голос всё равно сорвался.

— Галина Викторовна, я не собираюсь разрушать семью, — произнесла она, откладывая ручку. — Ваш сын завёл другую женщину. Я вчера своими глазами видела, как он её целует. И это не какая-то случайность, они уже давно встречаются. Вы понимаете, что он сделал?

— Понимаю, деточка, конечно, понимаю, — поспешно ответила свекровь. Однако в её голосе не было особенного возмущения. — Мужчины иногда совершают глупости, особенно в таком возрасте. Но ведь Олег у меня не гуляка какой-нибудь, ты сама знаешь. Всю жизнь работал, о семье заботился. Может, ему просто внимания не хватало?

Анна закрыла глаза. Ей пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, прежде чем ответить, потому что последние слова свекрови прозвучали почти прямым обвинением. Она вдруг вспомнила, сколько раз старалась устроить мужу приятный вечер, предлагала вместе куда-нибудь съездить, пыталась поговорить, а он отмахивался из-за усталости. Теперь выяснялось, что даже его измену можно объяснить её недостаточной заботой.

— А вы у него спросите, хватало ли мне внимания, — сказала Анна, чувствуя, как к глазам снова подступают слёзы. — Я последние месяцы почти не видела собственного мужа. Он приходил домой, ужинал и садился с телефоном. Я думала, на работе проблемы, старалась лишний раз не приставать. А он, оказывается, с другой женщиной встречался.

— Ну вот, значит, оба друг друга недопоняли, — заключила Галина Викторовна с таким облегчением, будто наконец нашла правильное объяснение. Она немного помолчала, а затем добавила: — Ты только Юлечку побереги. Девочка беременная, ей сейчас нельзя из-за вас волноваться. Олег мне сказал, что вы решили пока ничего не предпринимать. Вот и правильно. Дай ему время, пусть сам разберётся.

Анна хотела возразить, что давать мужу время не означает соглашаться с его поступком, но свекровь уже принялась рассказывать о том, как тяжело переживала собственные семейные трудности. Разговор закончился пожеланием мудрости и напоминанием о будущем внуке. Когда Анна положила телефон, тетради перед ней казались совершенно бессмысленными. Она не понимала, почему все вокруг так легко находят оправдания Олегу и так настойчиво объясняют ей, что именно она обязана сохранить семью.

На следующий день позвонила Наталья, младшая сестра Олега. С ней Анна всегда ладила, хотя особенно близкими они никогда не были. Наталья работала бухгалтером, жила отдельно и редко вмешивалась в семейные дела брата, поэтому её звонок сначала показался Анне обычным проявлением заботы. Однако после нескольких вопросов о работе золовка тоже заговорила о Юле и необходимости сохранить спокойствие.

— Ань, я не хочу лезть, вы сами разберётесь, — сказала Наталья, когда Анна осторожно спросила, что именно ей известно. — Олег мне толком ничего не объяснил, только сказал, что у вас серьёзные разногласия и ты собираешься разводиться. Но мне кажется, сейчас не самое подходящее время. Юлька же скоро рожать будет, зачем её втягивать?

— Наташа, а ты знаешь, почему я собираюсь разводиться? — спросила Анна, чувствуя уже знакомую усталость. Она отложила полотенце, которым вытирала посуду, и прислонилась к кухонному шкафу. — Твой брат мне изменяет. У него другая женщина, и он даже не обещает прекратить с ней встречаться. Я что, должна теперь всю жизнь делать вид, будто ничего не произошло, только потому, что Юля беременна?

На другом конце линии Наталья замолчала. Анна услышала, как та вздохнула, и впервые за последние дни ей показалось, что родственница действительно не ожидала такого ответа. Но вместо возмущения поступком брата золовка осторожно попросила не принимать решений в состоянии обиды. Она сказала, что Олег всегда был человеком серьёзным, а значит, наверняка и сам понимает последствия произошедшего. Анна выслушала эти рассуждения, поблагодарила за беспокойство и закончила разговор, не желая снова объяснять, почему ей больно.

К воскресенью она чувствовала себя совершенно измученной. За несколько дней ей пришлось выслушать столько советов проявить терпение, что любой телефонный звонок теперь вызывал тревогу. Олег, напротив, выглядел заметно спокойнее. Он больше не пытался обсуждать измену, разговаривал с женой о бытовых делах и даже предложил вместе съездить за продуктами, словно между ними постепенно восстанавливались прежние отношения. Анна согласилась, хотя всю дорогу думала о том, что муж так и не сказал ей, виделся ли с Ингой после обнаруженного поцелуя.

В воскресенье они собирались к Юле на ужин. Дочь пригласила обоих ещё в пятницу и несколько раз напоминала, как хочет провести вечер вместе с родителями. Анна согласилась почти сразу, потому что не хотела превращать обычное общение с дочерью в новый повод для ссоры. Но когда пришло время собираться, она вдруг поняла, что совершенно не готова выходить из дома рядом с Олегом и изображать привычную супружескую пару.

Она стояла перед зеркалом в спальне и пыталась подкрасить ресницы. Руки дрожали, тушь ложилась неровно, а стоило ей вспомнить разговор со свекровью, как глаза снова наполнились слезами. Анна отложила щёточку, взяла ватный диск и начала стирать макияж. Через несколько минут попробовала снова, но результат оказался ничуть не лучше. В конце концов она села перед зеркалом, опустила руки на колени и заплакала, уже не стараясь остановиться.

Олег появился в дверях спальни минут через десять. Он был одет, причёсан, держал в руках ключи от машины и выглядел вполне довольным предстоящим вечером. Увидев жену перед зеркалом, муж нахмурился и посмотрел на часы. Анна подняла голову, надеясь, что он хотя бы теперь заметит её состояние и подойдёт ближе.

— Ань, ты скоро? — спросил Олег, остановившись возле двери. Он посмотрел на разбросанные ватные диски и косметику, затем снова перевёл взгляд на часы. — Мы уже опаздываем. Юля два раза звонила, спрашивала, когда приедем.

— Я не могу сейчас, — ответила Анна, вытирая мокрые щёки. Она попыталась улыбнуться, но почувствовала, как губы снова начинают дрожать. — Подожди немного, пожалуйста. Я никак успокоиться не могу.

Олег тяжело вздохнул и прошёл в комнату. Анна невольно выпрямилась, ожидая, что он обнимет её или хотя бы присядет рядом. Но муж остановился возле шкафа, положил ключи на комод и заговорил с раздражением, которого даже не пытался скрыть.

— Аня, сколько можно? — спросил он, глядя на её отражение в зеркале. — Мы ведь договорились, что пока ничего не меняем. Зачем ты снова себя накручиваешь? Сейчас к дочери ехать, а ты сидишь тут и ревёшь.

— Я не специально, Олег, — выговорила Анна, чувствуя себя совершенно беспомощной. Она повернулась к нему и с трудом продолжила: — Мне просто больно. Я всё время думаю о тебе и Инге. Я не могу вот так сразу перестать. Ты же даже не сказал, что больше с ней не встречаешься.

Муж раздражённо провёл ладонью по волосам. Он посмотрел на жену, потом на телефон, словно пытался решить, сколько ещё времени придётся потратить на этот разговор. Анна видела, что её слёзы его больше не трогают, но всё равно надеялась услышать хоть одно тёплое слово.

— Господи, Аня, — произнёс Олег, наконец потеряв терпение. — Ты скоро бабушкой станешь. Неужели тебе до сих пор настолько важно, с кем я сплю? У тебя дочь ребёнка ждёт, скоро внук появится, а ты всё об одном и том же думаешь. Можно хоть на несколько часов отложить свои переживания?

Анна замерла. Она смотрела на мужа и чувствовала, как внутри всё сжимается от унижения. Ей хотелось спросить, неужели после сорока восьми лет женщина должна перестать нуждаться в любви, нежности и верности, но слова не складывались. Вместо этого она только отвернулась к зеркалу и начала вытирать лицо, стараясь хотя бы не расплакаться ещё сильнее.

— Я сейчас соберусь, — произнесла она после долгой паузы. Голос звучал хрипло, и Анна несколько раз сглотнула, прежде чем продолжить. — Только выйди, пожалуйста. Мне нужно побыть одной.

Олег пожал плечами и направился к двери. Уже в коридоре он напомнил, что они и так опаздывают, и попросил больше не задерживать его. Анна услышала, как он пошёл на кухню и начал разговаривать с Юлей по телефону. Муж объяснял, что они скоро приедут, смеялся над каким-то замечанием дочери и обещал по дороге купить десерт. Анна сидела перед зеркалом, прислушиваясь к его весёлому голосу, и не понимала, как он может так легко переходить от жестоких слов к обычному семейному разговору.

К дочери они приехали почти на полчаса позже назначенного времени. Денис встретил их в прихожей, помог Анне снять пальто и забрал у Олега пакет с тортом. Юля вышла из кухни, радостно поздоровалась с отцом и обняла мать. Анна постаралась улыбнуться, но дочь сразу заметила её покрасневшие глаза. Несколько секунд Юля внимательно смотрела на неё, а потом тихо попросила не начинать сегодня никаких неприятных разговоров.

За столом Олег вёл себя так, словно ничего не случилось. Он расспрашивал Дениса о работе, шутил с дочерью, интересовался самочувствием будущего внука и обещал помочь выбрать автомобильное кресло. Анна сидела рядом и старалась участвовать в разговоре, хотя каждое слово мужа причиняло ей новую боль. Особенно тяжело было слушать, как он рассуждает о том, что семья всегда должна держаться вместе и помогать друг другу. Юля согласно кивала, Денис обсуждал с тестем размеры детской кроватки, а Анна смотрела на их довольные

лица и не могла избавиться от ощущения, что только она одна знает, какой ценой ей даётся этот вечер.

— Мам, а ты помнишь, где у нас старый детский альбом? — спросила Юля, когда разговор зашёл о первых месяцах её жизни. Она улыбнулась и положила ладонь на живот. — Я Денису рассказывала, что у меня в младенчестве волосы почти не росли, а он не верит. Надо будет фотографии показать.

— Помню, конечно, — ответила Анна, стараясь придать голосу обычную живость. Она посмотрела на дочь и почувствовала короткое облегчение от возможности говорить о чём-то знакомом. — У нас в шкафу, на верхней полке. Там ещё твои первые рисунки лежат. Я всё собиралась разобрать, да руки не доходили.

— Вот и займёмся как-нибудь вместе, — вмешался Олег, подливая дочери сок. Он улыбнулся Анне и добавил: — А то мама у нас любит всё хранить, а потом сама забывает, где что лежит.

Юля рассмеялась, Денис тоже улыбнулся, а Анна с трудом заставила себя ответить короткой улыбкой. Ей вспомнилось, как Олег раньше любил подшучивать над её привычкой сохранять детские вещи, и тогда эти замечания казались добрыми. Теперь даже самая обыкновенная шутка звучала болезненно. Она знала, что муж может быть обаятельным и внимательным, когда хочет, и от этого особенно тяжело было видеть, как охотно он демонстрирует лучшие стороны характера перед дочерью, оставляя ей одной своё раздражение.

После ужина Юля попросила мать помочь убрать со стола. Они остались на кухне вдвоём, пока мужчины обсуждали что-то в гостиной. Анна складывала тарелки в раковину, а дочь вытирала стол, время от времени поглядывая на неё. Наконец Юля подошла ближе и тихо спросила, всё ли у родителей спокойно.

— Я стараюсь, — ответила Анна, не поднимая головы. Она сполоснула тарелку, поставила её на сушилку и только после этого посмотрела на дочь. — Но мне очень тяжело, Юля. Папа ведёт себя так, будто ничего не произошло. А я не могу просто взять и забыть.

— Мам, ну ты же сама решила подождать, — осторожно напомнила Юля. Она положила тряпку на край раковины и вздохнула. — Вот и не мучай себя пока. Может, действительно всё наладится. Сегодня же мы хорошо посидели, правда? Папа был в хорошем настроении, мы нормально пообщались.

Анна посмотрела на дочь и почувствовала, как снова начинает подступать обида. Для Юли сегодняшний вечер действительно был хорошим: отец шутил, мать сидела рядом, все обсуждали малыша и строили планы. Она не видела, как Анна плакала перед зеркалом, не слышала слов Олега и не знала, каких усилий стоила эта улыбка за столом. Анна хотела рассказать ей обо всём, но вовремя остановилась, заметив тревогу в дочерних глазах.

— Да, Юля, посидели нормально, — тихо согласилась она, вытирая руки полотенцем. Потом осторожно обняла дочь и поцеловала её в висок. — Ты только себя береги. Я обязательно буду рядом, когда тебе понадобится помощь. Но ты, пожалуйста, не думай, что у нас с папой всё уже хорошо.

Юля прижалась к матери и некоторое время молчала. Потом она сказала, что очень её любит, и попросила больше не плакать хотя бы сегодня. Анна погладила дочь по спине, почувствовала под ладонью округлившийся живот и снова вспомнила, как сильно ждала рождения внука. Ей было тяжело сердиться на Юлю, когда та стояла рядом, такая родная и одновременно уже взрослая, со своей семьёй и собственными страхами. Но и забыть вчерашние слова она не могла.

Домой они ехали почти молча. Олег включил радио и некоторое время напевал знакомую мелодию, явно довольный тем, как прошёл вечер. Анна смотрела на освещённые витрины и пыталась понять, сколько ещё раз ей придётся сидеть рядом с мужем за одним столом, улыбаться родственникам и поддерживать разговоры о будущем, которого для неё самой больше

не существовало в прежнем виде. Она всё-таки повернулась к Олегу, когда они остановились перед светофором, и тихо спросила, разговаривал ли он сегодня с Ингой.

Муж перестал напевать и посмотрел на неё с явным раздражением. Несколько секунд он молчал, потом снова перевёл взгляд на дорогу и включил поворотник. Анна уже по выражению его лица поняла, что вопрос испортил ему настроение.

— Аня, мы прекрасно провели вечер, — произнёс Олег, когда машина тронулась. Он говорил ровно, но в голосе уже слышалась злость. — Дочь довольна, Денис тоже, нормально посидели, поговорили. И вот теперь ты снова начинаешь. Тебе обязательно нужно всё испортить?

— Я просто спросила, — ответила Анна, стараясь не заплакать. Она отвернулась к окну и крепче сжала ремешок сумки. — Мне ведь надо понимать, что происходит между нами. Ты обещал разобраться, а я даже не знаю, встречаешься ты с ней или нет.

— Вот именно, я обещал разобраться, — отрезал Олег, прибавляя громкость радио. — А ты обещала дать мне время. Давай хотя бы это соглашение выполнять. Я устал от бесконечных разговоров об одном и том же.

Анна больше ничего не сказала. Она смотрела в окно, пока машина ехала по знакомым улицам, и вспоминала, как вечером Юля обнимала её на кухне и благодарила за то, что родители приехали вместе. Ей хотелось радоваться этому объятию, но теперь даже оно вспоминалось с болью. До конца двух недель оставалось ещё несколько дней, а муж уже разговаривал так, словно её обещание подождать давало ему право продолжать прежнюю жизнь без каких-либо объяснений.

Когда они приехали домой, Олег сразу отправился в гостиную и включил телевизор. Анна сняла пальто, аккуратно повесила его в шкаф и прошла на кухню, где утром оставила недопитую чашку чая. На столе лежал список покупок для будущего внука, составленный ещё до того, как она узнала об Инге. Анна взяла листок, увидела собственным почерком записанные названия детских вещей и долго стояла, не решаясь убрать его в ящик. Ей всё ещё хотелось дождаться, что муж одумается, подойдёт к ней и попросит прощения, но из гостиной доносились только голоса телевизионных ведущих. Она сложила список пополам, убрала его в сумку и пошла спать, так и не дождавшись Олега.

Глава 3. Посиди с ребёнком на папиной свадьбе

В среду утром Олег снова попросил Анну не торопить его с решением. Она как раз собиралась на работу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.